

Бодрое ультра

Огнетушитель приготовь, пока не вспыхнула рябина –
ей осень полирует кровь закатом из гемоглобина,
забейся в норку и – молчок, быть на виду – себе дороже,
где дятел, как дверной крючок, в ушко сосны попасть не может,

вся дичь, в предчувствии стряпни, ленивой и вдвойне пушиста,
расходятся кругами пни – следы от пальцев баяниста,
тяжёлый заяц, на скаку, на двести градусов духовен
печётся, с дырочкой в боку, и блеет одинокий овен

в тумане моря, где облом гремит ведром из-под сарая,
в витрину упираясь лбом замрёшь, игрушку выбирая,
пришла пора в бутылку лезть, давить на клавиши штрих-кода –
не посрамим былую жесть, родной захват для электрода,

торчит из ходиков орёл, ему сто лет гореть в гареме,
на белку стрелку перевёл и за цепочку тянет время,
мы за него поднимем лай в гранёных рюмках, холдея, –
давай за статую, давай опять за голую идею,

где банных шаек перестук, прилипший листик на затылке,
посмотришь с ужасом вокруг – одни будёновцы в парилке,
и, наблюдая молодёжь, пока страна впадает в спячку,
с губы улыбку сковырнёшь, как надоевшую болячку.

Поколение

Даже дворники смотрят влюблённо –
не чатланин, зачётный пацак,
нахватавшийся звёзд из бульона,
выхожу, сукин сын – весь WhatsApp,

путь кремнистый блестит, как бетонка,
только миг, за него и держись,
нос похож на зародыш цыплёнка
из журнала «Наука и жизнь».

Ко всему, что возможно исправить,
сам давно оборвал провода,
обновить бы короткую память –
надоело сгорать со стыда.

Иногда пробивает на жалость
к тем, кого оболгал WikiLeaks,
мы попкорном, как кони, заржались
кока-колой под нимб упились.

Пусть светило и больше не блещет –
не спешим уходить на покой,
хоть ломаемся чаще, чем вещи,
и гарантии нет никакой.

Сила привычки

Из модема выгнали Адама – торрент Евы скачивал взасос.
Месяц, словно ручка чемодана, к туче на колёсиках прирос.
Посыпают звёзды из солонки Эйфелеву башню без корней –
как у непослушного телёнка ноги разъезжаются у ней.

Сена под мостом синей Сенеки, у химеры иней на хвосте.
Видеть сквозь опущенные веки мне удобней даже в темноте,
здесь любая статуя носата, то ли дело – в солнечном раю,
где не спят Роскосмос и Росатом, обнимая родину свою,

ласточки с весною в чьи-то сени прилетели брызгами с весла,
будто и не гложет червь сомнений этот мир, испорченный весьма,
будто не ослабла нить накала у всего, что двигает людьми –
ни старалась как, ни намекала на пустые хлопоты любви.

Милая, ты тоже заскучала над последним яблоком в меню.
Дочитаю Библию сначала, а потом, ей-богу, позвоню.

Сон программиста

Не первый день скакал в степи монгол,
качалось солнце колосом на стебле.

Мы думали, сначала был Алгол
или Фортран, а вот и нет – Ассемблер.

Шуршал ковыль вскипевшим молоком,
стучался в небо жаворонок звонко,
натуженной печёнкой ёкал конь,
а вот и нет, он ёкал селезёнкой.

Затея в этом квесте непроста –
поймать ногой упущенное стремя,
где стрелки разошлись вокруг шеста,
как будто на шпагат упало время.

Всё поперёк здесь – кроличья нора,
языческие боги с аватара,
и Галь, и Оль на выдумки хитра,
и горизонт на линии загара.

Пусть алкоголем воздух возмущён,
шершавый свет забился под ресницы.
И сальса не рифмуется с борщом,
а помогает жить, кому не спится.

Пора на Марс

Мороз, сорвавшийся с домкрата,
летящая в пургу страна –
ничё, что ночью темновато,
вдруг солнце – бац, и – обана!

Спиртовый воздух режет дёсны,
копятя далёкие миры,
и острозубые, как блёсны,
в квартирах ёлки до поры.

История заходит с тыла,
кипит её густая взвесь –
а ты забил на всё, что было,
поэтому сейчас и здесь,

но, как шахтёры из забоя,
наощупь, тянутся на свет
газеты из прорех в обоях,
которых не было и нет –

как нет земли большой и плоской,
вестей со строек и полей,
пусть эти жёлтые полоски
почти разъел столярный клей,

гудят встревоженные дали
и ледяные провода.

А может, это я в подвале,
где хлеб и горькая вода,

и, в новом оперены фарса,
шагаю к свету по хвостам,
пока рукой подать до Марса,
и запускает Казахстан.

Тугеза

Запрета не было в указе на чилибуху и мышьяк,
но за буйки забрался Разин и бортничеством промышлял –
за ним враги смотрели в оба, судачил, кто не при делах,
зачем бросать подругу в воду, сказал бы попросту: «талах».

И я в любви, порой, небрежен – плыву с прокисшего вина:
знакомый остров, тот же стрежень, и подходящая волна,
пыхтит костёр, завален тиной, дым растянулся над рекой,
на ветке сохнет мой ботинок, другой, поменьше – на другой.

Что чертим на песке прутками – не бойся, вечером сотру,
упервшись подбородком в камень, на Волгу до-о-о-лгую смотрю.
В плену условности не маюсь, согласно сдерживаю смех:
чтоб небо не пробить, сдаваясь – не поднимаю руки вверх.

Кем хочешь стану на допросе – я, сам себе невыносим –
и Волга тоже не выносит, не открывается Сим-сим.
Гуляет солнце с перегрузом, горит пыльца на языке,
посмотришь в щит, а там Медуза мнёт косметичку в рюкзаке.

Юность

Всё ясно, если первый встречный
принцессу взял за полцены –
сим-сим, не дыoti фри, конечно,
но держат те же пацаны.

А мне пора компот из вишни,
нарзан на пике склона лет:
на циферблате третий лишний –
секундной стрелки тоже нет.

А было, в поле – сплошь татарник,
грозы нечаянной компресс,
и дышишь, как сквозь накомарник,
входя в густой и жирный лес.

Грибов и ягод запах винный,
далёкий топот, как извне,
и, вдруг, забрызганная глиной,
меня догонишь на коне,

тебе, в шестнадцать – всюду место,
доверчиво прильнёшь к плечу,
конечно, чья-нибудь невеста –
но я такую же хочу!

Коммунальная карма

На девятом живу этаже, на рассохшемся лифте катаюсь,
а вокруг провода в неглиже намекают на скорый катарсис,
вверх поедешь – вин руж де бордо предпочтёт плотоядным бесплотных,
жмёшь на первый – опустишься до поедания вкусных животных,

недобитый резиной дверной, слышишь – капает время из крана,
а в заплёванный пол пятерней уперлась кожура от банана.
Если в горле от счастья першил, перегрузок других не имея
не впросак попадёшь, а на щит, или в шит, если станешь левее,

а когда у одной из подруг локоток – и стоим, как бараны,
кто напомнит, сгустившись вокруг: мы – опилки его пилорамы,
только он пожалеет бедняг, насылая чуму и цунами.
Вот и голос диспетчер напряг, собираясь не чикаться с нами.

Дауншифтинг

Кажется, зима – насмарку и, по-русски, нихт ферштейн.
Бузины электросварку не раскрасил Эйзенштейн.

Оставляю город людный, и – туда, прости, жена,
где, как в зачехлённой лютне, абсолютна тишина.

Примем беленькой по махонькой, без традиции нельзя,
всё бы хиханьки да хаханьки – до свидания, друзья.

Здесь, скажу я вам, не Дания, и меня, как кур в ощип,
вдруг толкнуло на создание – а оно не верещит,

расправляет молча простыни и перины тормошит,
и простых желаний россыпи исполняет от души.

Вытянусь на банной полочке, покурю в густую ночь,
где не волчье слышишь – свёлочь ты, а поморское – сволочь.

Утром, погремев засовами, через лес начнём грести
прямо – к Богу, невесомые, у него же из горсти.

Незнакомка

Пока не замечаешь, как ты дышишь,
затылку далеко до потолка –
любовь-морковь не сразу сносит крышу,
полы и стены двигает пока,

и чем она слабей, тем ты целее –
сиди себе, в бутылочку гуди,
одна беда – похрустывает шея,
то горячо, то холодно в груди,

догадываюсь, будущее близко,
и вижу, как, попутав берега,
компьютер гладит ногу программистке,
дай бог, чтоб не толковая нога,

в сети гуляет вирус приворотный –
одно из двух, влюблённость или грипп,
системный Блок, не гопник в подворотне,
мигнул глазами кролика – и влип.

Каким антибиотиком ни брызни,
нерукотворный образ не спалишь,
бесплатно отливают только в брынзе,
чтоб накормить компьютерную мышь,

пластмассовой эпохе скажешь: здрасьте,
мне более надёжны и близки
часы – когда заводишь, на запястье
колёсико цепляет волоски,

поэтому, фантазии без лишней,
плевать, во что одета, хоть в лаптях,
но – губы, как наклонутые вишни,
и мягкие морщинки на локтях.